

Размножение — это базовый биологический инстинкт. Для растений, лишенных возможности передвигаться, распространение семян становится единственной миссией всей жизни. Именно поэтому большинство мутаций в растительном мире начинаются либо с поиска новых способов транспортировки, либо с колоссального увеличения репродуктивной способности.

Семена обычного одуванчика — это перекати-поле, плывущее по воле ветра. Однако после мутации процесс стал осознанным: теперь паразит сам выбирал себе жертву. Стоило белому пуху коснуться кожи, как мягкие ворсинки превращались в острые шипы. Они вгрызались глубоко в плоть, превращая живое тело в питательную среду для будущих побегов.

Микроскопические иглы впрыскивали анестетик, позволяя семенам проникать внутрь совершенно незаметно. На поверхности оставалась лишь россыпь мелких красных точек, похожих на обычную сыпь. На первой стадии мутировавший одуванчик потреблял совсем немного энергии. Пока длился инкубационный период, носитель даже не подозревал о заражении. Но стоило семенам прорасти, как они пробивали кожу изнутри: белоснежный пух окрашивался в багровый цвет, расцветая на теле кровавыми зонтиками, чьи корни уходили глубоко в мышцы.

Конечно, когда семена созревали, скрыть присутствие паразита становилось невозможно. На этом этапе избавиться от мутировавшего одуванчика было еще реально — требовалось лишь стиснуть зубы и вырезать зараженный кусок плоти.

Но беда в том, что мутировавшие одуванчики никогда не нападали поодиночке. Целые гроздья семян требовали колоссальных ресурсов. Если носитель вовремя не замечал странных высыпаний, то очень скоро превращался в иссохшую мумию, выпитую паразитом до капли.

Линь Шу наконец осознал природу тех бесчисленных уколов, которыми была усеяна кожа Толстяка.

Но ведь до начала Апокалипсиса оставалось еще двадцать семь дней!

Белоснежные семена, парящие в воздухе, выглядели сказочно, почти нереально. Любая наивная девушка сейчас наверняка протянула бы руку, чтобы поймать одну из этих пушинок. Однако в коридоре не было ни малейшего сквозняка, а «безобидные» зонтики, вопреки законам физики, стремительно приближались к живым людям.

У Линь Шу не было времени гадать, почему инородный вид, который должен был пробудиться лишь через месяц, объявился уже сейчас. Перехватив Фу Дамину за запястье, он коротко бросил:

— Уходим.

С мутировавшим одуванчиком первой стадии справиться несложно: достаточно сильного порыва ветра или искры пламени. Но здесь не было Пробужденных стихий ветра или огня — лишь два

обычных человека из плоти и крови. Даже если физически они превосходили обывателей, голыми руками против такой заразы много не навоюешь.

Но Фу Дамин не шелохнулся.

— Отойди подальше, эта дрянь опасна, — бросил он, высвобождая руку.

Выждав момент, он низко пригнулся и бросился вперед. Ловко, словно заправский акробат, он вытянул из опасной зоны двух людей в черных костюмах, а следом — еще двоих парализованных бандитов. Поврежденная левая нога ничуть не мешала ему двигаться с обезьяньей грацией.

Лишившись сразу четырех жертв, одуванчик словно пришел в ярость. Весь рой белоснежных игл разом развернулся в сторону Фу Дамина.

Каково это — внезапно осознать, что хрупкое растение не просто за тобой наблюдает, но и видит в тебе добычу?

Фу Дамин шумно выдохнул, чувствуя, как по спине пробежал холодок:

— Оно что, разумное?! Что это вообще за тварь такая?!

Скорость семян возросла. Прямо перед ними лежал неподвижный Чэнь Тяньху, ставший первой мишенью. Фу Дамин не знал о механизме паразитизма, но обостренное чутье, закаленное в смертельных схватках, вопило: касаться этой штуки нельзя.

Пятеро в VIP-кабинете А08 были ключевыми фигурами в крупном деле. На их совести наверняка висела не одна жизнь, но, какими бы преступниками они ни были, их должен судить закон, а не неведомая херь в коридоре бара. К тому же, капитан слишком долго шел по следу, чтобы позволить единственной зацепке оборваться здесь и сейчас.

Стиснув зубы, Фу Дамин уже приготовился к рывку, чтобы выхватить Толстяка из-под удара, но Линь Шу мертвой хваткой вцепился в его плечо.

— Пусти! Там человек!

— Стой, — отрезал Линь Шу.

Лезть туда сейчас — значит гарантированно подставиться под заражение. Вырезать куски мяса — полбеды, куда хуже, если раны не затянутся до наступления Дня Пробуждения.

Линь Шу быстро огляделся. Подбежав к пожарному шкафу, он одним ударом вынес стекло и выхватил огнетушитель. Струя порошка ударила по парящим семенам. Словно крошечные саженьцы под натиском мощного селя, белоснежные пушинки были мгновенно погребены под тяжелым слоем желтой взвеси и отброшены в дальний конец коридора.

Угроза миновала.

Фу Дамин застыл с открытым ртом.

—... А раньше ты его достать не мог?

Линь Шу усмехнулся:

— Мне казалось, тебе нравится играть в героя.

Капитан почесал затылок, стряхивая осевшую пыль, и пробормотал:

— Странно... Такое чувство, будто мы знакомы сто лет.

Голос был тихим, но Линь Шу услышал каждое слово. Поверхностная наглость этого человека скрывала за собой ум, изворотливый и острый, как бритва. У Линь Шу не было ни времени, ни желания играть в эти шпионские прятки, поэтому он даже не удостоил его взглядом.

Фу Дамин прищелкнул языком — даже это холодное пренебрежение показалось ему по-своему очаровательным.

— И это всё? — Убедившись, что опасность миновала, он подошел к куче порошка. Достав из кармана прозрачный контейнер и раздобыв где-то пару палочек для еды, он принялся копать в желтой пыли.

Если соблюдать осторожность и не давать себя окружить, семена первой стадии не представляли серьезной угрозы. Линь Шу не стал мешать «старине Фу» в его изысканиях. Наблюдая за тем, как тот осторожно упаковывает мутировавшего одуванчика, он негромко спросил:

— Ты знаешь, что это такое?

— Впервые вижу, но... — Фу Дамин на мгновение запнулся. На его вечно усмехающемся лице проступила тень глубокой печали и усталости, но она исчезла так быстро, что могла показаться миражом.

Линь Шу слишком хорошо знал это выражение — в прошлой жизни он сам годами носил такую маску после гибели близких.

Фу Дамин мгновенно вернул себе несерьезный вид.

—... Но береженого бог бережет. Слушай, парень, а ты перспективный! Крепкие нервы, отличная реакция. Не хочешь поработать на меня? Когда получишь нужный допуск, сам во всем разберешься. Ну как, пойдешь?

Скрытность была его второй натурой — ни единой лишней зацепки. Вспомнив, что в прошлой жизни он так и не узнал настоящего имени этого парня до самой его смерти, Линь Шу почувствовал укол раздражения.

— Нет.

— Ну не руби с плеча! У нас соцпакет, страховка...

Фу Дамин продолжал разглагольствовать, будто не замечая, как собеседник мрачнеет. Линь Шу уже хотел развернуться и уйти, но воспоминание о том, как они потеряли друг друга в хаосе и больше не встретились до самого конца, заставило его замереть. Ему стало страшно.

— Замолчи, — бросил Линь Шу.

Фу Дамин послушно смолк.

Они стояли друг напротив друга. У их ног, припорошенный порошком, лежал неподвижный Чэнь Тяньху. Линь Шу скользнул взглядом по лицу Толстяка, испещренному красными точками, и уже открыл рот, чтобы предупредить напарника, как вдруг заметил, как расширились зрачки Фу Дамин. В следующее мгновение его сбили с ног и потащили прочь.

Они кубарем откатились в сторону. Не обращая внимания на головокружение, Линь Шу вскочил, глядя на то место, где они стояли секунду назад.

Из лица Толстяка — из пор, ноздрей, глаз — лавиной прорывался кроваво-красный пух. В считанные мгновения Чэнь Тяньху превратился в жуткий живой инкубатор.

Напитавшись плотью и кровью, одуванчики снова собрались в зонтики, пульсируя в странном, пугающем ритме. Их полые стебли раздулись вдвое, и внутри, словно по венам, медленно перетекала багровая жидкость. Мягкие ворсинки вытянулись, превращаясь в жесткие, длинные шипы, зловеще мерцавшие в тусклом свете ламп.

Первая стадия! Зрелый мутант!

Инкубационный период мутировавшего одуванчика длится от одной до двух недель. Значит, этот толстяк был заражен еще семь дней назад. Где он мог подцепить это? Неужели природа начала меняться задолго до Дня Пробуждения, а он, идиот, в прошлой жизни просто этого не заметил? И что всё-таки знает Фу Дамин?

Вопросы множились, но времени на раздумья не осталось. Рой одуванчиков словно почуял жертву. Сотни острых шипов нацелились на Фу Дамину. Мгновение — и воздух пронзил ливень игл, подобный легендарному «Ливню из грушевого цвета», от которого невозможно было укрыться.

— Берегись!

Фу Дамин рывком подхватил край ковровой дорожки и с силой крутанул её, заставляя «инкубатор» перевернуться, одновременно прикрываясь плотным ворсом от летящих игл. Линь Шу ногой вышиб дверь ближайшей комнаты, и они оба нырнули внутрь. Красный ковер не стал преградой — шипы с легкостью прошили тяжелую ткань и вонзились в паркет там, где только что стояли люди.

Дробный стук игл, впивающихся в дерево, заставлял кожу покрываться мурашками. Опоздай они на долю секунды — и сами превратились бы в решето.

Когда снаружи все стихло, они осторожно приоткрыли дверь.

Массивный пол в коридоре был усеян мириадами крошечных глубоких отверстий. На телах четверых бандитов, которых Фу Дамин не успел оттащить подальше, уже проступали характерные красные пятна.

Фу Дамин тяжело вздохнул, глядя на изуродованные трупы. Его лицо стало жестким.

— Уходи. Жди меня внизу и проследи, чтобы никто не поднимался сюда.

В ситуации, когда неясно, как передается зараза, любого, кто контактировал с Толстяком, нужно было изолировать. Однако, подняв взгляд, они увидели, что выход на первый этаж перекрыт тяжелой гермозаслонкой.

Они оказались заперты на втором этаже наедине с инородным видом.

Фу Дамин выругался сквозь зубы.

— Похоже, выпускать нас живыми не планируют, — констатировал Линь Шу.

Капитан прищурился, пристально глядя на парня:

— Ты на удивление спокоен.

Линь Шу ответил холодным, высокомерным взглядом:

— Я могу выйти отсюда в любой момент, когда пожелаю.

И это была правда. Мутировавший одуванчик был смертоносен, но ограничен в передвижении. Линь Шу мог уйти, но Фу Дамин — нет. Капитан не мог бросить в баре неведомую заразу, не имеющую противоядия. Если паразит вырвется в город, город погибнет.

Линь Шу кивнул на ковер, в котором копошилось нечто:

— Сожги его.

Фу Дамин помедлил:

— Мои люди скоро будут здесь. Они должны забрать образцы...

Договорить он не успел. Ковер зашевелился. Линь Шу первым почувствовал неладное. Его худшие опасения подтвердились.

В теле Толстяка созрела не первая стадия мутации. А вторая.

Особенность второй стадии мутировавшего одуванчика: «Контроль».

Паразит берет под управление инкубатор, используя нервную систему носителя, чтобы компенсировать собственную неподвижность.

Ковер дернулся и сполз. Существо, сплошь покрытое кровавыми иглами, медленно и неуклюже начало подниматься. Огромное тело Толстяка двигалось неестественно, скованно, его кости жалобно трещали при каждом движении, но оно поднималось!

Там, где раньше были глаза, теперь пульсировали два багровых шара — соцветия мутировавшего одуванчика.

Фу Дамин с ужасом осознал: эти кровавые цветы поворачивались вслед за каждым его движением.

Оно смотрело на него.

<http://bllate.org/book/17473/1692942>